

Лу Цзыяо замер без движения, удерживая игрушечную лошадку на колесиках высоко над головой. Выражение его лица было настолько суровым, словно он собирался броситься грудью на амбразуру. Вокруг раздавался смех и гомон мальчишек, а еще — детский плач. Разум постепенно прояснялся: последним воспоминанием в голове Лу Цзыяо был оглушительный гул перед крушением самолета. Ему требовалось тихое место, чтобы обдумать происходящее, поэтому он опустил затекшие руки с игрушечной лошадкой.

— Что ты копаешься, А-яо? — донесся недовольный мальчишеский голос. — Ломай скорее!

«А-яо? Это он ко мне?»

Лу Цзыяо растерянно посмотрел на окликнувшего его ребенка. Оглянулся по сторонам — кругом тоже были дети. Глаза Лу Цзыяо медленно округлились. Почему все они одеты в старинные костюмы?

Окликнувшему его мальчику на вид было около десяти лет. Одетый в алое халат-чжидо, светлокожий и с утонченными чертами лица, он слегка прищуривал тонкие веки, отчего весь его вид излучал властную жестокость.

— Ты чего застыл? — Видя, что Лу Цзыяо так и не разбивает лошадку, третий принц шагнул вперед, взмахнув рукой и намереваясь сделать это сам.

— Вы... — сбитый с толку, пробормотал Лу Цзыяо.

Не успел он договорить, как осекся. Почему у него детский голос? Не веря своим ушам, он опустил взгляд и уставился на свое тело — оно и впрямь принадлежало ребенку. Неужели это сон?

Вдруг плач чужого малыша стал громче и ближе. Лу Цзыяо проследил за звуком и увидел, как к нему подбежал ребенок лет трех-четырех. Покачиваясь, словно маленький пингвиненок, он изо всех сил попытался поднять с земли деревянную лошадку.

Но едва малыш собрался поднять игрушку, как третий принц грубо оттолкнул Лу Цзыяо, со смехом пнул лошадку и хохотнул:

— Ой-ой! Седьмой упал с лошадки, да еще и ушки ей отломал!

Услышав это, кроха тревожно опустил голову и увидел, что у его деревянной лошадки действительно отвалилось ухо. Ребенок зарыдал во весь голос.

— Седьмой-размазня распустил нюни! — Третий принц распалялся все сильнее. Переступив через игрушку, он со всей силы наступил на хвост и сломал его, радостно закричав: — А у лошадки еще и хвост отвалился!

Малыш умылся слезами, теребя кулачками глаза, а взглянув на отломанный хвост, разразился еще более отчаянным плачем. Но его слезы ни у кого не вызвали сочувствия. Тогда он, расставив пухлые ручонки, семена поспешил к стоявшим неподалеку дворцовым служанкам, по очереди моля их обнять его.

Черты лица малыша были настолько точеными, что в них угадывалось иноземное происхождение. Из-под длинных ресниц катились слезы, а пухлые губки обиженно дрожали. Выглядел он таким беззащитным, трогательным и пухленьким, что сердце сжималось от жалости.

Однако дворцовые служанки лишь низко опускали головы и отступали назад, не смея вмешиваться.

Этот ребенок был седьмым принцем, рожденным персидской танцовщицей для Императора. Хотя его матушка-наложница и пользовалась высокой милостью государя, в жилах мальчика текла чужеземная кровь, и будущее его казалось смутным и мрачным. Никто не рисковал нажать себе врага в лице третьего принца ради беспородного заморыша.

Слово «Седьмой» зацепилось в затуманенном разуме Лу Цзыяо. Он вспомнил роман в жанре «Лун Аотянь», который доделывал до поздней ночи в самолете. Главным героем там выступал седьмой принц Лу Цянь, которого братья часто кликали Седьмым. Значит, он видит сон? И ему снится сюжет той самой книги?

Раз это лишь сон, Лу Цзыяо снова опустил взгляд и пристально разглядел седьмого принца. Что и говорить, настоящий Лун Аотянь: даже в детстве у него было лицо сказочной красоты, затмевающее любые фантазии, возникавшие при чтении. Пожалуй, если бы по этой книге снимали дораму, на роль главного героя в детстве не смогли бы найти столь идеального ребенка.

Уверенный, что все это сонный бред, Лу Цзыяо упустил свой последний шанс на спасение. Он не протянул руку помощи и слился с толпой тех, кто ломал деревянную лошадку, навсегда попав в «черный список» детской травмы седьмого принца.

Не дождавшись объятий, седьмой принц, шлепая торопливыми шажками, убежал прочь — жаловаться маме!

В течение следующего получаса спутавшиеся воспоминания в голове Лу Цзыяо становились все отчетливее. Хозяина этого тела тоже звали Лу Цзыяо. Он родился в тринадцатый год правления Линьань, сейчас ему исполнилось восемь лет, и он состоял в должности чтеца-компаньона при третьем принце.

Лу Цзыяо происходил из знатного рода: его дед занял второе место на дворцовых экзаменах и дослужился до министра финансов, после чего право поступить в Академию Гоцзицзянь досталось старшему законному сыну семьи Сюэ. Отец же Лу Цзыяо был третьим по старшинству, поэтому ему пришлось пробиваться самому: во второй год правления Линьань он сдал экзамены на степень цзиньши третьего класса и сейчас кое-как перебивался службой в ведомстве ритуалов.

То, что Лу Цзыяо сделали сопровождающим третьего принца, на самом деле являлось задумкой его отца, господина Сюэ. Господин Сюэ считал, что наибольшие шансы стать наследным принцем имеет первый принц, а потому отправил законного сына семьи Сюэ, Сюэ Цюна, к первому принцу. Однако и у третьего принца оставались пятипроцентные шансы на престол, ведь брат его матушки-наложницы занимал пост генерал-губернатора по соли и в последние годы одержал две крупные победы в прибрежных землях. Его слава была велика, что принесло и матушке-наложнице третьего принца расположение государя.

Пусть этот успех мог оказаться временным, господин Сюэ не смел проявлять небрежность и отправил к третьему принцу своего рожденного от наложницы сына, Лу Цзыяо. Случись первому принцу потерпеть крах, семья Сюэ рассчитывала, что Лу Цзыяо ценой жизни станет умолять об увещании и спасет любимчика семьи Сюэ, Сюэ Цюна. Если же крах потерпит третий принц (что сейчас было неизбежно и неоспоримо), семья Сюэ намеревалась отрезать отсохшую ветвь и пожертвовать этим послушным и разумным сыном от наложницы, Лу Цзыяо.

Все эти выводы Лу Цзыяо сделал, сопоставив обрывочные сведения из романа с памятью самого персонажа. Прежний хозяин этого тела, Лу Цзыяо, был самым настоящим восьмилетним ребенком: он не подозревал о замыслах взрослых, кротко слушался отца и верой и правдой служил третьему принцу.

А вот сам Лу Цзыяо помнил финал этого пушечного мяса: в день, когда войска князя Нина окружили императорский дворец, он пал от его меча.

В романе гибель этого персонажа описывалась весьма красочно:

«В роковой час Лу Цзыяо бросил Императора и попытался бежать через западные ворота запретного дворца. Добравшись до сада Сихуа, Лу Цзыяо внезапно заметил мелькнувшую пурпурную тень. Высокий, статный мужчина легко опустился на землю и встал к нему спиной, держа в руке меч.

— У деревянной лошадки отломалось ушко, — прозвучал бархатный, чарующий голос мечника, однако в нем проскальзывал смертоносный леденящий холодок, словно от шипения ядовитой змеи. Он медленно повернулся, устремив на Лу Цзыяо ухмыляющийся, обманчивый взгляд. Уголок его губ изогнулся в усмешке, а вокруг поднялась пыль от закипевшей жажды крови.

Узнав в незнакомце князя Нина, Лу Цзыяо в панике отпрянул, как вдруг почувствовал, как у щеки пронесся резкий порыв ветра. Он вскинул руку к голове и с ужасом понял, что его ухо срезано!

С острия меча князя Нина капала алая, слепящая глаза кровь. Лу Цзыяо, точно встретив дьявольского асуру, непрерывно пятился, но князь Нин в мгновение ока исчез, и насмешливый голос раздался уже из-за спины:

— А у деревянной лошадки отвалился хвост.

Едва прозвучали эти слова, как острая сталь вонзилась в копчик Лу Цзыяо, содрав плоть до самой кости!..»

При воспоминании об этой сцене у Лу Цзыяо невольно все сжалось пониже спины. Когда он читал это в книге, момент казался очень захватывающим, но сейчас он чувствовал лишь боль в ухе, боль в мягком месте и боль в душе!

Сон это или нет? Почему во сне мысли работают так четко? А если не сон... значит, он переродился в романе, который читал? И всего какой-то десяток минут назад собственными глазами наблюдал, как у деревянной лошадки седьмого принца отломалось ухо и оторвался хвост?!

По сюжету книги именно Лу Цзыяо своими руками поднял и разбил игрушку седьмого принца, и именно ему третий принц приказал растоптать хвост. Но поскольку Лу Цзыяо только что переместился в это тело и замешкался, потеряв дар речи, потерявший терпение третий принц сделал все сам.

Значит ли это, что раз у каждого долга есть свой должник, князь Нин пощадит ухо и копчик Лу Цзыяо? Судя по характеру героя в романе — без шансов! Лу Цзыяо — труп! Третий принц — труп! И вся та свора приспешников, что поддакивала третьему принцу только что, — тоже трупы!

А может, Лу Цзыяо стоит бросить службу чтеца, сбежать на край света и благодаря знаниям

человека двадцать первого века покорить деревню Ньюцзячунь, завоевав сердца всех местных девушек?

Скорее всего, и это не выйдет, ведь это книга про Лун Аотяня! Специфика романов о Лун Аотяне известна каждому: даже если у персонажа второго плана в обычной жизни IQ под двести восемьдесят, при встрече с главным героем он мгновенно падает до двух с половиной. О том, чтобы вырваться из цепких лап главного героя, нечего и думать — даже если тот о нем забудет, второстепенный персонаж сам прибежит напроситься на неприятности, ведь суицидальная дурачность — их пассивный навык.

А у главного героя высокий интеллект и ослепительная внешность — лишь базовая комплектация. Князь Нин, Лу Цянь, не только обладает сокрушительной боевой мощью, но и его тайные агенты раскинули сети по всей Поднебесной. Скорость передачи сведений у них выше гигабитного интернета, так что ни один злодей не избежит расплаты!

Небеса и земля, за что?! Если Лу Цзяю действительно погиб в авиакатастрофе и переместился в другой мир, почему нельзя было дать ему роль хотя бы положительного героя?! Он ведь в жизни никому не сделал зла! Мало того, что нелепо разбился на самолете, так теперь еще и стал безымянной пешкой, которой главный герой отрежет ухо и проткнет задницу! Где хоть какая-то справедливость?!

<http://bllate.org/book/18379/1766759>